

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2003 г.

Dictys Cretensis

ΕΡΗΜΕΡΙΣ ΒΕΛΛΙ ΤΡΟΙΑΝΙ

Диктис Критский

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии

В. Н. Ярхо

КНИГА ПЯТАЯ*

1. Когда Антенор с Талфибием вошли в город, весь народ и союзники, узнав об этом, спешно сбегаются, ждая узнать, что произошло у греков. Антенор откладывает донесение им на следующий день, сходка распускается, и все расходятся. За обедом в присутствии Талфибия Антенор внушает своим сыновьям, что им ничего не следует в жизни так оберегать, как соблюдение стариннейшей дружбы с греками; затем он восхищается честностью некоторых из них, упоминая их верность и невиновность. По окончании пира расходятся на покой. А на рассвете, когда все в совете жаждут услышать, будет ли какой-нибудь конец таким бедам, приходят сам Антенор с Талфибием и немного погодя Эней, затем Приам с оставшимися царевичами. Тогда приказывают говорить Антенору, и он следующим образом сообщает, что услышал от греков.

2. «Тяжелая, троянские старейшины и вы, союзники, тяжелая возникла война у нас с греками, а еще тяжелее и много хуже, что из-за женщины стали нам врагами лучшие друзья, которые, происходя от Пелопы, к тому же связаны с нами правом родства¹. И если должно в самом общем виде коснуться прошлых бед, то разве когда-нибудь наш город, угнетенный несчастьями, воспрянул для отдыха? Разве когда-нибудь не было у нас недостатка в плаче и у союзников – в непрестанных бедствиях?

* См. переводы книг: книга I – ВДИ. 2002. № 1. С. 239–251; книга II – ВДИ. 2002. № 2. С. 236–250; книга III – ВДИ. 2002. № 3. С. 244–251; книга IV – ВДИ. 2002. № 4. С. 239–246.

¹ ... правом родства. – См. кн. I. 9. Ср. кн. IV. 12.

Когда не теряли мы в войне друзей, родителей, родственников, наконец, сыновей? И чтобы на своем примере воспроизвести в памяти скорбь остальных – что перенес я со смертью сына своего Главка? Его гибель, хоть и была для меня горька, не столько послужила причиной печали, сколько то время, когда он сопровождал Александра, присоединившись к нему для похищения Елены. Но довольно о прошлом, надо позаботиться и поразмыслить о будущем. Греки являются стражами верности и истины, первыми в благосклонности и чувстве долга. Свидетель этому – Приам, который в самый разгар вражды испытал, однако, их милосердие; и не прежде начали они некую безрассудную войну, чем извели вероломство по отношению к своему посольству и коварство с нашей стороны. В этом – я говорю, что чувствую, – виноваты Приам и его сыновья и среди них – Антимах, который, потеряв недавно детей², понес кару за свою невоздержанность. Все это было сделано ради Елены, то есть той женщины, которую даже греки не стремятся получить обратно. Да пусть удерживают в нашем городе ту жену, из-за которой ни одно племя, никакие народы не относятся к этому царству дружески или хотя бы не враждебно! Разве по своей воле не будем мы просить, как молящие, чтобы они ее забрали? Неужели не дадим мы всеми способами удовлетворение тем, кого столько раз оскорбляли? Неужели, по крайней мере на будущее, не примиримся с такими мужами? Тогда уж я удалюсь отсюда, уйду подальше и не вернусь, чтобы больше не участвовать в ваших злодеяниях. Было время, когда приятно было жить в этом городе, – тем дням принадлежали друзья, союзники, благополучие близких, наконец, незапятнанная родина. Ныне, напротив, что из этого у нас не уменьшилось или не вовсе уничтожено? Не вынесу я пребывания с теми, чьи все дела обрушились на меня вместе с несчастьями родины. И забыли мы, как только похоронили с разрешения врагов, благодаря их милости тех, кого во время войны похитила судьба (а потом преступно осквернили человеческой кровью алтари богов и святилища), – а ведь нет большей казни после смерти самых дорогих людей, чем подкрадывающееся забвение. Остерегайтесь теперь, чтобы этого не случилось! Родину надо выкупать золотом и другими такого рода дарами. Много в этом городе богатых домов, давайте соберемся и посоветуемся о наших возможностях: пусть, в конце концов, в уплату за жизнь будет отдано врагам то, что вскоре достанется им после нашей гибели. Если будет необходимо, ради спасения родины надо воспользоваться даже украшениями храмов. Пусть Приам один сторожит у себя в доме свои сокровища, пусть он один сочтет, что богатство дороже его граждан, пусть возлежит даже на том, что похищено вместе с Еленой, и пусть увидит ту кончину родины от бедствий, какую считает нужной! Нас уже одолели наши беды».

3. Когда Антенор со слезами говорил это и тому подобное, все тотчас поднимают вопль и, протягивая руки к небу, соглашаются с ним; при столь неблагоприятных обстоятельствах одни заклиняют Приама, другие между собой молят о конце всяческих несчастий. В конце концов, с криком единогласно решают, что родину надо выкупить. Среди них Приам, терзая голову, с самым жалостным плачем говорит, что он сам уже не только богам ненавистен, но и своим стал врагом, потому что не найдется никого из старых друзей, ни родственника, ни просто гражданина, который не оплакивал бы свои беды. Он-де не только теперь согласен на переговоры, но желал их начала еще при жизни Александра и Гектора. Но так как никому не дано вернуть прошлое, надо считаться с настоящим и направлять разумную надежду на будущее. Лично он дает все, чем владеет, для выкупа родины и распоряжаться этим позволяет Антенору. Затем он, став ненавистен своим, уходит с их глаз долой, соглашаясь с тем, что бы они ни решили.

4. Когда царь удалился, решают, чтобы Антенор, взяв с собой Энея по его желанию, вернулся к грекам разведать их окончательные намерения. Так, условившись, расходятся. Но почти в полночь Елена приходит к Антенору, подозревая, что ее передают Менелая, и боясь его гнева за то, что покинула дом. Поэтому она просит

² ... потеряв... детей. – Ср. кн. IV. 21; о его невоздержанности см. кн. II. 2–24.

Антенора, чтобы среди прочего он упомянул у греков и ее и попросил за нее. В остальном, как известно, после гибели Александра все ей стало в Трое ненавистно, а возвращение к своим – желанно. С рассветом приходят к кораблям те, кому было приказано, сообщают всем решение граждан. Итак, они удаляются с теми же, что и раньше³, для обсуждения требований времени. Там они много рассуждают о государстве и главных вопросах, извещают также о желании Елены и просят снисхождения к ней и под конец заключают между собой договор об измене. Затем с наступлением подходящего времени послы вместе с Улиссом и Диомедом приходят в Троию, при том, что Эней удерживает от этого Аякса, – разумеется, чтобы не стал жертвой засады такой муж, которого одного варвары боялись не меньше, чем Ахилла. Когда в городе увидели греческих вождей, все граждане ободряются духом в надежде, полагая, что пришел конец войне и раздорам. Итак, срочно собирается сенат, где в присутствии наших решают первым из всех изгнать из всей Фригии Антимаха, разумеется, как виновника такой беды. Затем начинают обсуждать условия мира.

5. В это время с Пергама⁴, где был дворец Приама, неожиданно раздаются шум и громкий крик. Возволнованные этим участники совета выскакивают наружу, полагая, что царевичи, как обычно, замыслили какое-нибудь коварство; поэтому все быстро уходят в храм Минервы. А немного позже от тех, кто спустился из кремля, узнают, что под обвалившимся потолком случайно погибли дети Александра, которых он имел от Елены. Это были + Буном+, Кориф⁵ и Идеи. Поэтому совет был распущен, а наши вожди уходят к Антенору и после обеда остаются там ночевать. Кроме того, они узнают от Антенора прорицание, данное некогда троянцам, что город окончательно погибнет, если за пределы стен будет вынесен Палладий, находящийся в храме Минервы⁶. Это было древнейшее изображение, упавшее с неба в то время, когда Ил, воздвигая храм Минерве и дойдя почти до самого верха, устроил себе здесь жилище там же, где работал, хотя крыша еще не была положена; изображение это было сделано из дерева⁷. Затем наши стали побуждать Антенора, чтобы он добивался всего вместе с ними. Он ответил, что сделает то, чего они хотят, однако предупреждает их, что в совете перед народом будет говорить об их требованиях более решительно, чтобы у варваров не возникло на его счет какого-нибудь подозрения. Так, уладив дело, на рассвете Антенор и другие старейшины направляются вместе к Приаму, наши возвращаются к кораблям.

6. Затем, когда было совершено все должное для детей⁸, по истечении трех дней приходит Идеи, чтобы пригласить вышеназванных вождей. В их присутствии Панф и остальные, преобладавшие в совете, много говорят и объясняют, что сделанное раньше безрассудно и необдуманно произошло не по их вине; ведь, презираемые и разъединенные царевичами, они действовали по чужому умыслу. В остальном – не по своей воле подняли они оружие против греков; ведь тем, кто действует под властью других, приходится ожидать приказа тех, кто ею владеет, и исполнять его. Поэтому подобает, чтобы греки, оказав снисхождение, советовались с теми людьми, кто всегда выступал в пользу мира. Впрочем, троянцы понесли достаточно кары за плохие решения. Затем, много раз возвратившись в речи то к одному, то к другому, начинают, наконец, говорить о видах отступного. Тогда Диомед требует пять тысяч талантов золота и столько же серебра, а кроме того, пшеницы по сто тысяч⁹ в течение десяти лет. Тут среди всех воцарилось молчание, и Антенор говорит, что послы

³ ... с теми же, что и раньше. – Ср. кн. IV. 22.

⁴ Пергам – троянский кремль, часто отождествляемый с Троей в целом.

⁵ Кориф обычно считается сыном Париса от Эноны; отец убил его, приревновав к Елене: Парф. О любви. С. 34; Конон. 23.

⁶ Согласно традиции, прорицание о Палладии исходило от Гелена: Аполлод. Эпит. V. 10. Ср. ниже, гл. 9.

⁷ К истории Палладия см. Дион. Галик. Римск. древн. I. 69; Конон. 34; Павс. I. 28. 9; II. 23. 5; Аполлод. III. 143.

⁸ ... для детей. – Т.е. похоронены по обряду сыновья Александра, погибшие при обвале.

⁹ ... по сто тысяч – тех же талантов как меры веса = 26, 2 кг.

действуют не по греческому обычаю, а по варварскому, так как, требуя невозможного, явно готовят войну под предлогом мира. Далее, столько золота и серебра не было в городе даже до того, как его растратили на содержание вспомогательного войска. Поэтому, если греки хотят оставаться столь алчными, то троянцам остается заперев ворота, поджечь дома богов и под конец искать для себя такого же исхода, как для родины. На это Диомед: «Мы пришли из Аргоса не созерцать ваш город, а сражаться с вами; поэтому, если вы теперь намерены воевать, то греки готовы; если же, как ты говоришь, вы предадите Илион огню, мы мешать не будем, так как для греков, потерпевших несправедливость, настанет конец отмщения их врагам». Тогда Панф просит дать милостиво день для размышления. Итак, наши уходят к Антенору, а оттуда в храм Минервы.

7. Между тем, при устройстве богослужения является страшное знамение: когда на алтари были возложены обычные жертвоприношения, то поднесенный к ним огонь не охватил их и не истребил, как раньше, а отверг. Взволнованный этим народ стекается к алтарю Аполлона, чтобы удостовериться в смысле предвестия. И когда возложили части жертв и поднесли огонь, вдруг все, что было на алтаре, вываливается в беспорядке на землю. Пока все остаются в удивлении и потрясении от этого зрелища, неожиданно со страшным шумом влетает орел, выхватывает часть жертвоприношения и, взлетев, направляется к греческим кораблям и там сбрасывает похищенное. Это предзнаменование варвары уже считают не незначительным или темным, а прямо-таки губительным¹⁰. Между тем Диомед с Улиссом, делая вид, что не знают о происходящем, гуляют по форуму, разглядывая и хваля прекрасные произведения, хранящиеся в этом городе. А у кораблей Калхант, получив такое предсказание, внушает всем, чтобы держались в хорошем расположении духа, так как вскоре станут хозяевами того, что находится в Трое.

8. Далее, Гекуба, узнав о происходящем, выходит, чтобы умиловить богов и главным образом Минерву и Аполлона, которым она подносит много даров, а также пышные жертвы. Когда жертвоприношения возложили на алтари, огонь таким же образом чахнет и вдруг на виду (у всех) гаснет. В это время мудрая Кассандра, одержимая богом, велит перенести жертвоприношения к могиле Гектора, ибо боги уже отвергают их, негодуя на совершенное немного раньше преступление против Аполлона. Так, быков, принесенных в жертву, переносят, как было приказано, к костру на могиле Гектора, и скоро все они истребляются поднесенным огнем. Потом, так как уже вечерело, расходятся по домам. Той же ночью Антенор тайно приходит в храм Минервы. Там он усиленными мольбами, смешанными с применением силы¹¹, убеждает Феано, бывшую жрицей в этом храме, передать ему Палладий, — она-де получит за это большую награду. Так, справив дело, он идет к нашим и предлагает им, что обещал¹². Греки, хорошо укутав Палладий, чтобы тот не мог быть кем-нибудь узнан, отправляют его через своих близких и верных людей на повозке в палатку Улисса. А на рассвете, когда собрался сенат и пришли наши, Антенор, как бы боясь гнева греков, просит снисхождения за то, что откровенно говорил против них в защиту родины. Тогда Улисс: «Не этим он их взволновал и привел в негодование, а тем, что конца переговорам не видно, а больше всего тем, что время, удобное для отплытия, скоро пройдет». Тогда снова было много разговоров и, наконец, снижают выкуп до двух тысяч талантов золота и серебра. Чтобы доложить это своим, греки уходят к кораблям. Там на собрании вождей излагают все, что было сказано и сделано. Объясняют, что Палладий унес Антенор. Затем с общего согласия узнает об этом все войско.

¹⁰ Традиции об описанных здесь предзнаменованиях ничего не известно.

¹¹ ... с применением силы. — Маловероятный образ действий по отношению к жрице. В «Илиаде» (V. 70; VI. 298) Феано, будучи жрицей, остается женой Антенора.

¹² Об обещании Антенора похитить Палладий до сих пор речи не было. В традиционной версии похищение Палладия — дело рук Одиссея и Диомеда: Верг. Эн. II. 162–170; Овид. Метам. XIII. 336–345.

9. По этой причине всеми было решено воздать Минерве самый почетный дар. Призванный для этого Гелен излагает по порядку все, что делалось втайне от него, как будто сам при этом присутствовал, и добавляет, что уже пришел конец троянцам, потому что Палладий был тем, чем больше всего поддерживалось величие этого города; коль скоро его унесли, грядет гибель. Далее, в качестве дара Минерве, рокового для троянцев, следует изготовить огромного деревянного коня, чтобы его размерами сокрушить стены с помощью и при поддержке Антенора¹³. Тут Гелен, вспомнив отца Приама и остальных братьев, сокрушенный горем, заливается жалобным плачем и падает без чувств на землю. Тогда Пирр, подняв его и приведя в сознание, отводит к себе и ставит при нем сторожей, опасаясь, как бы он не открыл врагам того, что произошло. Когда Гелен это понял, он убеждает Пирра хранить присутствие духа, не беспокоясь о себе и о секретах, ибо он, Гелен, останется при нем долгое время в Греции после гибели родины. Итак, чтобы угодить Гелену, Эпий и Аякс Оилеев привезли много материала, который казался пригодным для такого рода сооружения.

10. Между тем, для заключения ранее упомянутого мира в Трою отправляются десять выбранных вождей: Диомед, Улисс, Идомоней, Аякс Теламонов, Нестор, Мерион, Фоант, Филоктет, Неоптолем и Евмел. Когда люди в Трое увидели их идущими по открытому месту, от радости ободряются духом, веря в конец несчастий. Итак, поодиночке и толпой, как кто успел, выходят радушно навстречу, приветствуют их, поздравляя, и целуют. Тут Приам в многочисленных мольбах просит греков за Гелена, называя его самым дорогим ему и наиболее любимым из всех за его благоразумие. Затем, когда сочли время подходящим, начинается общественный пир в честь вождей и достигнутого мира, при том что Антенор угождает грекам и всячески любезно им все предлагает. На рассвете в храм Минервы сходятся старейшины, которым Антенор докладывает¹⁴, что греки прислали десять мужей послами об условиях ранее упомянутого мира. Решают ввести их в сенат, обмениваются рукопожатиями и постановляют между собой поставить на следующий день посредине поля и на виду у всех алтари, у которых они клятвенно и благоговейно подтвердят верность миру. По окончании дела Диомед и Улисс принимаются клясться, что будут стоять на том, в чем сошлись с Антенором¹⁵, и свидетелями этому будет Юпитер Величайший, мать Земля, Солнце, Луна и Океан. Затем, разрубив приведенных для этого жертвенных животных так, чтобы одна половина была обращена на восток, другая – к кораблям, проходят посредине. Затем Антенор в тех же словах подтверждает решенное. Так, покончив с делом, все расходятся к своим. Впрочем, варвары возносят Антенору величайшие похвалы, некоторые с почетом приветствуют его приближение, так как считают его, одного из всех, творцом мира и дружбы, достигнутой с греками. Итак, поскольку военные действия с этого времени прекратились, как того пожелали обе стороны, то теперь греки вместе с троянцами по-дружески снова проводят время у кораблей. Между тем, так как вступил в силу договор, все союзники варваров, находившиеся здесь во время войны, уходят к своим, поздравляя с наступлением мира и даже не дожидаясь наград за столькие труды и бедствия; они, конечно, опасались, как бы достигнутое доверие не было нарушено варварами.

11. Между тем, у кораблей Эпий, мастер в этом деле, строит деревянного коня, как то было угодно Гелену. Возведя его до необыкновенного размера¹⁶, Эпий при-

¹³ ... при поддержке Антенора. – Если стены уже будут разрушены, какая еще нужна поддержка?

¹⁴ Антенор докладывает. – Совершенно абсурдная ситуация: неужели накануне общественного пира старейшины не могли узнать о приходе послов?

¹⁵ ... на том, в чем сошлись с Антенором. – Двусмысленная клятва, так как троянцы могут подразумевать под ней согласие, достигнутое при переговорах, в то время как Диомед и Улисс имеют в виду тайный сговор (кн. IV. 22).

¹⁶ По сообщениям позднеантичных и средневековых схолиастов к Вергилию, длина троянского коня составляла 100 или 120 футов (римский фут равен 29,57 см), ширина – 50 или 30 футов, причем колени и хвост были подвижными, а глаза вращались.

крепляет к площадке, бывшей под ногами, колеса, – разумеется, чтобы было легче передвигать его волоком. Из уст в уста передавали, что коня поднесут как величайший из всех даров Минерве. Тем временем в Трое Антенор и Эней с великим усердием сносили в храм Минервы названное выше количество золота и серебра. И греки, узнав, что в Трое отпустили вспомогательные отряды союзников, стали все более старательно соблюдать условия мира и дружбы: ни один из варваров не был с тех пор убит или ранен, чем у врагов еще больше устранялось подозрение в какой-нибудь враждебности. Затем искусно сколоченного и скрепленного коня подводят к стенам, предупредив троянцев, чтобы приняли его с должным почитанием, – он-де посвящен как жертва Минерве. Поэтому множество народа, выйдя из ворот, с радостью и жертвоприношениями принимают дар и подтягивают его ближе к стенам. Но когда они увидели, что величина сооружения не позволяет ввести его через ворота, принимают решение разрушить сверху стены, причем никто не высказывался¹⁷ против такого намерения. Так не тронутые в течение долгого времени стены, созданные, как говорили, Нептуном, и величайший памятник Аполлону, сами граждане разрушают без всякого колебания собственными руками¹⁸. Когда же большая часть стен была низвергнута, греки нарочно вмешиваются, заявляя, что не допустят введения коня внутрь, прежде чем не получат вышеназванного количества золота и серебра. Так, пока работа была прервана и стены оставались полуразрушенными, Улисс собирает всех ремесленников троянского государства для починки кораблей. После того как весь флот был приведен в порядок, все корабли оснащены и выкуп заплачен, наши велют заканчивать начатое. Итак, троянцы, разрушив остальную часть стен, весело и с шутками ввели коня, причем втащить его торопят по очереди и мужи и жены.

12. Между тем, греки, нагрузив все корабли, сжигают все палатки, отплывают к Сигею и дожидаются там ночи. Затем, когда варвары, напившись вина, погружаются в сон (и то, и другое случилось с ними от радости и веры в безопасность мира), греки в полной тишине плывут к городу, следя за сигналом, который подал, зажегши факел, тайно назначенный для этого Синон¹⁹. Вскоре все вступили в пределы стен и поделили между собой места в городе; по данному сигналу со страшной силой убивают тех, кого послал случай, и всюду уничтожают людей в домах и на улицах, в священных местах и вне их и тут же подавляют всякого, кто понял, что творится, прежде чем тот успеет вооружиться или найти другое средство спасения. Одним словом, нет никакой передышки от резни и убийства, и на глазах у родных убивают детей и родителей, взвизгивая на это с громкими воплями, и вскоре погибают жалким образом те, кто видел трупы самых дорогих людей. Торопливо по всему городу совершают поджоги, выставив заранее защитников у домов Энея и Антенора. Между тем, Приам, узнав о происходящем, ищет убежища у алтаря Юпитера, стоящего перед домом, и многие из его дома – в храмах других богов, среди них Кассандра в храме Минервы. Позорно истребив неотомщенными всех, кто попал в их руки, греки нападают на рассвете на дом, в котором находилась Елена. Здесь Менелай предает смерти в жестоких мучениях изрубленного со всех сторон и обезображенного Деифоба (выше мы указывали, что после гибели Александра он вступил в брак с Еленой): он отсекает ему сначала уши, руки и ноздри²⁰. Затем Неоптолем без всякого уважения и почтения к возрасту пронзает горло Приаму, держащемуся обеими рука-

¹⁷ ... никто не высказывался. – Очередная полемика Диктиса с традицией: в данном случае отвергается версия о вмешательстве Лаокоонта (*Вегг. Эн. II. 200–231*).

¹⁸ Здесь, напротив, Диктис следует за Вергилием (*Эн. II. 234–237*), но далее не может удержаться от нововведения (перерыв в работе, вызванный требованием греков; починка кораблей руками троянцев). О разрушении троянской стены сообщалось уже в «Малой Илиаде».

¹⁹ Синон. – См. *Вегг. Эн. II. 256–259*, где, наоборот, он по сигналу, данному с греческого корабля, отворяет ворота. Диктис Синона ранее не упоминал.

²⁰ В изображении надругательств Менелая над Деифобом, может быть, следует видеть реминисценцию из «Малой Илиады»: здесь троянцы отбивали труп Париса, обезображенный Менелаем.

ми за алтарь. Далее, Аякс Оилеев вытаскивает из храма Минервы как пленницу Кассандру²¹.

13. Уничтожив таким образом варваров вместе с их городом, стали обсуждать, что делать с теми, кто у алтарей богов молил о помощи в спасении, и было сообщено решено казнить их, оторвав силой: такие овладели греками горестная несправедливость и стремление искоренить имя Трои. Так тех, кто избежал мучений в вышеназванную ночь, хватают, дрожащих, и убивают, как скот. Затем по обычаю войны начинаются опустошение храмов и полусожженных домов и в течение многих дней – настойчивый розыск, чтобы не укрылся никто из врагов. Затем назначаются удобные места для сбора изделий из золота и серебра и другие – для ценных одеяний. Итак, когда наступило насыщение троянской кровью и пожары сравняли город с землей, начинают раздел добычи среди воинов и прежде всего – пленных женщин и детей, еще не способных воевать. Итак, первой из них уступают без жребия Елену Менелая, Поликсену по совету Улисса²² Неоптолем приносит в жертву Ахиллу, Кассандру отдают Агамемнону, так как он не стал скрывать, что пленен ее красотой, и открыто признавался в своей страсти; Эфру и Климену получили Демофоонт и Акамант. Когда стали решать участь остальных, то вышло так, что Неоптолему из почтения к такому вождю досталась Андромаха с сыновьями, Улиссу – Гекуба. До тех пор рабская служба миновала благородных женщин. Остальные, кому какой выпал жребий, получили добычу или кого-нибудь из пленных, сколько их было распределено по заслугам.

14. Между тем, среди вождей разгорается страшный спор из-за Паллада: Аякс Теламонов требует его себе в дар за то, что он своей доблестью и старанием сделал для всех и каждого. Почти все уступают Палладий Аяксу, как побуждаемые этим доводом, так и не желая оскорбить такого мужа, чьи славные деяния и заботу о войске они хранили в душе; возражают из всех только Диомед и Улисс, напоминая о своих стараниях ради похищения Паллада. Аякс против этого заявляет, что дело было сделано не благодаря их усилиям и доблести, поскольку Антенор унес Палладий из расчета на дружбу с греками. Тогда Диомед, уступая Аяксу из скромности²³ и почтения, покинул совет. Улисс же с Аяксом очень настойчиво спорят между собой, настаивая каждый на своих заслугах и рвении; при этом Менелай и Агамемнон поддерживают Улисса, поскольку незадолго до этого он спас Елену. Ибо после захвата Илиона Аякс, вспоминая о том, что за это время испытали и претерпели греки, первым из всех велел ее убить. И когда уже многие благородные одобрили совет Аякса, Менелай, даже теперь хранящий любовь к супруге, стал обходить их по одиночке и своими мольбами, в конце концов, добился, чтобы благодаря вмешательству Улисса ему вернули Елену невредимой. Итак, оба ожидают решения об их заслугах, а те, в чьих руках теперь победа, перед которыми трепещут многие враждебные племена, не спросив мнения храбрых мужей, пренебрегши выдающимися деяниями Аякса и раздачами всему войску зерна, которое тот привез из Фракии²⁴, отдают Палладий Улиссу.

15. Поэтому все вожди делятся по пристрастию на две части: одни, помня о доблестях Аякса, считали, что этому нельзя ничего предпочесть; другие нападали на него, приняв сторону Одиссея. Между тем, Аякс, негодуя и одержимый душевной скорбью, открыто и во всеуслышание заявляет, что он отомстит кровью тем, кто его оскорбил. На этом основании Улисс, Агамемнон и Менелай усиливают стражу и вся-

²¹ Об убийстве Приама, Деифоба и насилии над Кассандрой сообщалось в «Разорении Илиона». См. также *Верг.* Эн. II. 533–553.

²² ... по совету Улисса. – По традиционной версии, восходящей к «Разорению Илиона», Поликсену потребовал себе в жертву дух Ахилла, явившийся над его могилой. Наиболее подробно это событие описано в первой половине «Гекубы» Еврипида. См. также *Овид.* Метам. XIII. 439–480; *Сен.* Троян. 178–202, 938–944, 1118, 1164; *Гиг.* 110.

²³ *Скромность* (*vegetundia*) – свойство, меньше всего присущее Диомеду.

²⁴ См. кн. II. 18.

чески заботятся о том, чтобы чувствовать себя в большей безопасности. С наступлением же ночи все, расходясь, в один голос²⁵ бранят обоих вождей и не удерживаются от проклятий, раз для них страсть и томление по женщине имели большее значение, чем высшие интересы войны. А на рассвете находят Аякса бездыханным посреди лагеря и, выясняя причину смерти, видят, что он убит мечом. Вследствие этого среди вождей и войска возникает страшное возмущение, и вскоре почти созревает мятеж, так как все громко оплакивают обоих вождей, погубленных коварством Атридов: раньше – Паламеда, выдающегося мужа на войне и в мирное время, теперь – Аякса, прославившегося в стольких замечательных битвах. Поэтому вышеназванные цари, боясь применения силы со стороны войска, остаются в палатках, запершись изнутри и поддерживаемые близкими²⁶. Между тем, Неоптолем, привезя лес, сжигает Аякса и, поместив останки в золотую урну, заботится о похоронах на Ретейском мысе и вскоре освящает курган, воздвигнутый в честь такого мужа. Если бы такое могло случиться до захвата Илиона²⁷, то, конечно, положение врагов значительно бы улучшилось и можно было бы сомневаться в исходе дела. Итак, Улисс, опасаясь нападения со стороны оскорбленного войска, тайно бежит в Исмар²⁸, и Палладий остается у Диомеда.

16. Далее, после отъезда Улисса Гекуба, чтобы смертью спастись от рабства, изрекает многочисленные проклятья²⁹ и молит о дурных знаменьях для войска. Возмущенное этим войско побивает ее камнями, и у Абидоса ей устраивается могила, названная Киноссема³⁰ – за ее дерзкий язык и бесстыдную брань. В то же самое время одержимая богом Кассандра предвещает много бедствий Агамемнону: тайные козни и убийство, подстроенное дома своими³¹, кроме того, всему войску пророчит неблагоприятное возвращение к своим и гибель. При таких обстоятельствах Антенор вместе со своими молит греков, чтобы те не гневались и сообща посоветовались, так как понуждает время для отплытия. Кроме того, отводит всех вождей к себе пировать и там одаряет каждого самыми ценными дарами. Здесь греки советуют Энеку плыть с ними в Грецию, ибо там ему будут предоставлены равные с остальными вождями право царствования и та же власть. Неоптолем поручает Гелену сыновей Гектора, а остальные вожди, кроме того, дают ему золота и серебра, сколько каждому угодно. Затем, созвав совет, решают в течение трех дней совершать от лица всех похоронный обряд над Аяксом. Итак, в течение этих дней все цари возлагают на его могилу пряди волос. Затем начинают бранить Агамемнона и его брата и называть их сыновьями не Атрея, а Плисфена и потому незнатными³². Вынужденные этими обстоятельствами, и чтобы своим отсутствием смягчить ненависть к ним со стороны войска, они просят позволения удалиться с глаз долой без всякого для них

²⁵ ... все... в один голос. – Как это согласовать с упомянутым выше разделением вождей на две партии, из которых одна поддерживала Улисса?

²⁶ О распри (отнюдь не о мятеже и угрозе жизни для Атридов!), возникших в греческом войске после разорения Трои, сообщали «Илиада» (III. 130–143) и поэма «Возвращения», но эти распри не имели никакого отношения к ссоре Одиссея с Аяксом, разгоревшейся не из-за Палладия, а из-за доспехов убитого Ахилла.

²⁷ ... до захвата Илиона. – Согласно традиции, гибель Аякса, покончившего самоубийством, произошла как раз до захвата Илиона. Об этом говорилось уже в «Одиссее» (XI. 54–551), «Эфиопиде» и «Малой Илиаде»; см. трагедию Софокла «Аякс», а также Овид. Метам. XIII. 398; Аполлод. Эпит. V. 67; Гиг. 107.

²⁸ ... в Исмар. – См. Од. IX. 39–66, где, конечно, нет ни слова об угрозе нападения со стороны ... войска.

²⁹ Гекуба ... изрекает ... проклятья. – Согласно традиции, Гекуба делает это, находясь на корабле Одиссея, которому она была отдана как часть добычи (см. выше, гл. 13), и, превратившись в собаку, сама бросается в море: Еврип. Гек. 1259–1273; Гиг. 111.

³⁰ Киноссема – «Надгробие собаки».

³¹ Согласно традиции, эти бедствия Кассандра пророчит, уже будучи привезена в дом Агамемнона: Эхил. Аг. 1090–1254. Впрочем, в описании пророчеств Кассандры еще до отплытия Диктис мог считать своим предшественником Еврипида (Троян. 353–364).

³² ... и потому незнатными. – Непостижимая логика: при всей неопределенности фигуры Плисфена его всегда считали потомком Пелопа.

ущерба. Итак, по общему согласию, отплывают первыми, отвергнутые и гонимые вождями. Тем временем Тевкру были отданы сыновья Аякса: Эантид, рожденный Главкой, и Еврисак – от Текмессы.

17. Затем греки, опасаясь, как бы задержка не помешала отплытию с приближением надвигающейся зимы, выведя в море корабли, наполнили их всяким мореходным снаряжением и разместили гребцов. Итак, они отправляются вместе с тем, чего каждый добивался в течение многих лет как добычи. Эней остается в Трое. После ухода греков он обходит всех потомков Дардана и жителей ближайшего острова, просит, чтобы они вместе с ним изгнали Антенора из царства. Когда Антенор был предупрежден об этом вестником, он, вернувшись в Трою и ничего не добившись, не был допущен в город. Так, будучи вынужден, он со всем имуществом³³ отплыл из Трои и прибыл в Адриатическое море, предшествуемый между тем многочисленными варварскими племенами, и основал город, названный Черной Коркирой. Затем, когда в Трое разнесся слух, что Антенор владеет царством, к нему стекаются все, кто уцелел в войне, избегнув ночной резни в городе. Так всеми владели любовь к Антенору и слава о его мудрости. Первым установил с ним дружеские отношения царь кебренов Энидей.

Это написал я, Диктис из Гноса, соратник Идомея, финикийским письмом, переданным Кадмом и Данаем, на том языке, который я пытался постигнуть и понять как можно лучше среди столь великого множества наречий. Пусть никто не удивляется, что все греки говорят на различных наречиях, так как пользуемся мы не единым даже для каждого острова языком, но разными и смешанными. Итак, что произошло в войне греков с варварами, я, сам зная и испытав, в основном сохранил для памяти. Об Антеноре и его царстве сообщил, что слышал. Теперь хочется рассказать о возвращении наших.

КНИГА ШЕСТАЯ

1. После того как погрузили все, что каждый добыл на войне, сами взошли на корабли и отплывали, снявшись с якорей. Затем при попутном ветре с кормы через несколько дней достигли Эгейского моря³⁴, где, испытав повсюду много несчастий на море, свирепствующем под ливнями и ветрами, разбредаются, кого куда занес случай. Среди них флот локрийцев, в котором из-за бури смешались и перепугались все обязанности моряков, был под конец разбит или подожжен молнией, и царь локрийцев Аякс, попытавшийся вплавь избежать последствий кораблекрушения, а также и другие, носившиеся всю ночь по волнам на досках или другом средстве, достигнув Евбеи, погибают, прибитые к Херадским утесам. Это Навплий, поняв происходящее и желая отомстить за гибель Паламеда, выставив ночью огонь, заставил их повернуть к этому месту как бы к гавани³⁵.

2. В это же самое время Эак, сын Навплия и брат Паламеда, узнав, что греки возвращаются к своим, является в Аргос, где восстанавливает лживыми известиями Эгиалу и Клитеместру против их мужей³⁶, предупреждая, что те везут из Трои жен, которых предпочитают своим. Кроме того, добавляет то, чем женский ум, от приро-

³³ ... со всем имуществом. – Каким образом Антенор мог забрать свое имущество, если его не пустили в город? Остается только предположить, что употребленному здесь слову *patrimonium* («наследственное имущество») Диктис придает необычное значение «наследники, родственники».

³⁴ По представлениям древних, Троя находилась на самом берегу Эгейского моря. Зачем грекам понадобилось несколько дней, чтобы до него добраться?

³⁵ Достаточно нелепая контаминация двух версий. По традиционному варианту Навплий в самом деле зажег огонь на Кафарейском мысу Евбеи, и уцелевшие от бури корабли, правя на него, налетели на скалы. См. Од. IV. 499–511; *Еврип.* Ел. 1126–1131; *Сен. Аг.* 577–596; *Аполлод.* Эпит. VI. 7; *Гиг.* 116. По варианту Септимия выходит, что Навплий заранее знал, куда прибудет бурей спасающихся.

³⁶ В обычной традиции эта роль предоставляется самому Навплию: *Аполлод.* Эпит. VI. 9. Кроме того, непонятно, почему обе женщины оказались в Аргосе. Аттические трагики иногда заменяли в своих версиях мифа принадлежавшие Агамемнону Микены на Аргос, но тогда там не было места Эгиале.

ды послушный внушению, сильно воспламеняется против своих. Итак, Эгиала с помощью граждан преграждает доступ возвращающемуся Диомеду. Клитемистра, узнав об измене Агамемнона, завлекает его обманом и убивает с помощью Эгисфа. Вскоре, выйдя замуж за своего любовника, рожает от него Эригону. Между тем, Талфибий, вырвав из рук Эгисфа сына Агамемнона Ореста, передает его Идоменею, находившемуся в Коринфе³⁷. Туда приходят Диомед, изгнанный из царства, и Тевкр, которого отлучил от Саламина Теламон³⁸, – разумеется, за то, что он не защитил брата от козней. Между тем, афиняне принимают Менесфея вместе с Эфрой, дочьерью Питфея, и ее дочьерью Клименой. Демофоонт и Акамонт остаются вне города³⁹. В остальном, в то время как многие из тех, кто спасся от моря и коварства, находились в Коринфе, люди опасаются, как бы они, объединившись, не напали на свои царства и не захотели путем войны открыть доступ к своим. Этому мешает Нестор, убеждая сначала испытать дух граждан и не допустить, чтобы вся Греция была изнурена мятежом и внутренними распрями⁴⁰. Немного погодя Диомед узнает, что в Этолии всячески притесняют Ойнея те, кто в его отсутствие напал на его царство⁴¹. Поэтому, отправившись в те места, он убивает всех, кого счел зачинщиками обид, и, нагнав страха на все местности вокруг, охотно принимается своими⁴². Затем по всей Греции возникает молва, что все принимают своих дарей, высоко оценивая доблесть тех, кто воевал под Троей, и понимая, что нет достаточных сил для сопротивления. Так и мы также с царем Идомениеем вернулись на родную землю Крита, приветствуемые гражданами⁴³.

3. Затем Орест по прошествии детских лет начинает исполнять долг мужа и просит Идоменея послать вместе с ним с этого острова как можно больше людей: он хочет отплыть в Афины. Итак, собрав достаточное число надежных людей, является в Афины, прося у них помощи против Эгисфа. Затем направляется в прорицалище и приносит ответ, что надо убить мать и вместе с ней Эгисфа; таким образом получит-

³⁷ О том, что Идоменией по возвращению из-под Трои был вынужден покинуть Крит, существуют разные версии. но ни одна из них не называет в качестве места его пребывания Коринф и, тем более, не связывает его судьбу с судьбой Ореста, который был укрыт у Строфия в Фокиде, – либо самой Клитемистрой, чтобы он не стал свидетелем убийства Агамемнона (*Эсхил.* Аг. 876–880), либо Электрой, чтобы спасти его от гибели (*Софокл.* Эл. 11–14, 1346–1353).

³⁸ Диомед действительно был отвергнут Эгиалой, но отправился не в Коринф, а в Италию; об изгнании Тевкра см. *Еврип.* Эл. 87–104, но и он нашел убежище не в Коринфе, а на Кипре, где основал город Саламин (см. ниже, гл. 4).

³⁹ ... принимают Менесфея. – Отношения между Менесфеем и сыновьями Тесея Демофоонтом и Акамантом не вполне ясны из традиции. В «Илиаде» (II. 552) Менесфей командует контингентом афинян, но не назван их царем; Еврипид (Троян. 31) называет Тесеидов вождями афинян, в «Гераклидах» *Ксенофо(о)нт* без всяких оговорок представлен афинским царем. Плутарх (Тесей. 35) сообщает, что сыновья Тесея отправились под Трою как простые граждане, поскольку престол занимал Менесфей; они стали царствовать после своего возвращения, так как Менесфея к этому времени не было в живых; согласно Павсанию (Геогр. 17. 5–6), Менесфея возвели на трон сыновья Гиндара (Диоскуры), захватившие Афида; по другим сведениям, передаваемым также Павсанием (Геогр. 3. 3), после смерти Менесфея в Афинах снова (?) воцарился Тесей. Страбон (VI. 1. 10) упоминает афинян, переселившихся в Италию вместе с Менесфеем. По Аполлодору (Эпит. VI. 15), Менесфей после захвата Трои принял царский трон на о-ве Мелос, не думая претендовать на власть в Афинах. *Климена* и *Эфра* названы в «Илиаде» (III. 146) служанками Елены, но отсюда не следует, что они были дочьерью и матерью. Почему их принимают вместе с Менесфеем, если раньше они были отданы Демофоонту и Акаманту (Od. V. 13), непонятно.

⁴⁰ Для этих подробностей традиция не дает никаких оснований.

⁴¹ *Ойней* – дед Диомеда; ... на его царство, – т.е. на Этолию, царство Ойнея.

⁴² Ср. *Павс.* II. 25. 2; у Аполлодора, следовавшего за эпической поэмой «Алкмеонида», эти события приурочены ко времени до похода эпигонов на Фивы и Троянской войны. По другой версии, Диомед не остается в Этолии, а отправляется в Италию, где основывает город Аргириппу (*Верг.* Эн. XI. 246 сл.; ср. *Антонин Либ.* 37).

⁴³ О благополучном возвращении Идоменея на Крит, – правда, сразу же после войны, – см. *Диод. Сиц.* V. 79. 4; по другой версии, Идоменией был изгнан с Крита и обосновался в Саленте, в Южной Италии (*Верг.* Эн. III. 121 сл., 400). Во всяком случае, нигде нет даже намека на его участие в деле Ореста, о чем речь пойдет ниже в гл. 3.

ся, что он вернет отцовское царство. Вооружившись таким знаменем, он приходит к Строфию с вышеназванным отрядом. Этот фокеец, чья дочь была замужем за Эгисфом, негодуя, что тот презрел первый брак, соблазнил Клитеместру и из засады убил общего царя Агамемнона, пообещал ему со своей стороны помощь против злейших врагов. Итак, составив между собой заговор, с большим отрядом приходят в Микены и тотчас, пользуясь отсутствием Эгисфа, сначала убивают Клитеместру и многих других, осмелившихся оказать сопротивление. Затем, узнав, что приближается Эгисф, устраивают засаду и его устраняют. Затем во всем народе аргивян возникает раздор, так как люди желают разного и, в конце концов, делятся на партии. В то же самое время Менелай, прибывший морем к Криту, узнает все об Агамемноне и его царстве⁴⁴.

4. Между тем, когда стало известно, что туда прибыла Елена, отовсюду по всему острову стекается множество мужчин и женщин, желая увидеть ту, по чьей милости почти весь мир объединился для войны. Здесь, среди остального, Менелай сообщает, что изгнанный из отчизны Тевкр основал на Кипре город под названием Саламин. Он рассказывает также много удивительного о пребывании в Египте и о своем кормчем Канопе⁴⁵, который погиб от укуса змей, и ему был воздвигнут величественный памятник. Затем, когда сочли время подходящим, Менелай отплывает в Микены. Здесь он замышляет многое против Ореста, но под конец, принужденный множеством народа, отступает от начатого дела. Затем всеми было решено, чтобы Орест выступил в суде по поводу этого поступка у афинян, чей суд ареопагитов слыл по всей Греции самым суровым. При разборе у них дела юношу оправдывают. Эригона, рожденная от Эгисфа, видя, что брат⁴⁶ оправдан, объятая безутешной скорбью, умирает, повесившись. Менесфей отпускает в Микены Ореста, освобожденного от обвинения в отцеубийстве и очищенного по обычаю предков всеми средствами, которые принято применять для забвения такого рода преступления; там ему отдают царство. Затем, по истечении времени он по приглашению Идоменея прибывает на Крит и немного позже – Менелай⁴⁷. Здесь Орест обвиняет его во многих страшных проступках в отношении брата, а также в том, что Менелай и ему строил козни, подвергая его многими способами испытанию через раздоры среди соотечественников. В конце концов, благодаря вмешательству Идоменея оба примирились, и Орест уехал в Лакедемон. Здесь Менелай, как было условлено раньше, выдает замуж за него Гермению⁴⁸.

5. В то же самое время к Криту прибывает Улисса с двумя нанятыми за плату финикийскими кораблями, ибо все свои со спутниками и со всем, что взял в Трое, он потерял вследствие насилия со стороны Теламона, ставшего его врагом, разумеется, из-за совершенного Улиссом убийства его сына⁴⁹; сам Улисс едва уцелел благодаря своей хитрости⁵⁰. На вопрос Идоменея, по каким причинам он оказался в столь бедственном положении, Одиссей начал рассказывать о своем странствии: как, прийдя к

⁴⁴ Из всей этой главы некоторую опору в традиции находят прорицание, полученное Орестом, и подстроеное заранее убийство Эгисфа (*Эсхил.* Хоз. 269–275, 734–782; *Софокл.* Эл. 32–38, 1442–1480), а также поздняя осведомленность Менелая о судьбе брата (Од. IV. 512–537 – но не на Крите, а из уст Протея – в Египте). Раздоры среди афинян можно отчасти возвести к ситуации в «Оресте» Еврипида, где матереубицу приговаривают к избиению камнями несмотря на протест Земледельца. Обращение Ореста за помощью к Идоменею, Строфию (как и брак его дочери с Эгисфом) и афинянам – вымысел Диктиса.

⁴⁵ О Канопе (или Канобе) см. *Конон.* 8.

⁴⁶ ...брат. – Эригона – дочь Клитеместры и Эгисфа (кн. VI. 2); Орест приходится ей сводным братом. По версии, приводимой Гигином (122), Орест пытался убить Эригону, но ее хитрила Диана и перенесла в Тавриду.

⁴⁷ О встрече Менелая с Орестом на Крите других сведений в традиции нет, а прототипом их распрей может служить эпизод из «Ореста» Еврипида (435–440, 630–719).

⁴⁸ ... выдает замуж Гермению. – Каким образом согласовать это с гл. 10 и 12?

⁴⁹ ... его сына, – т.е. Аякса (см. кн. V. 15), хотя впрямую об участии Улисса там не говорится.

⁵⁰ Странствия Улисса не находятся ни в какой связи с Менелаем, и самого его на Крит не заносило, хотя он и выдает себя за уроженца этого острова в своем рассказе под видом нищего: Од. XIX. 180–191.

Исмару и добыв там в войне много добычи⁵¹, поплыл дальше, был прибит к лотофагам и по прихоти враждебной судьбы прибыл в Сицилию, где, испытав много бедствий из-за братьев Киклопа и Лестригона, в конце концов потерял множество спутников по милости их сыновей Антифата и Полифема⁵². Затем, став по милосердию Полифема его другом⁵³, он попытался похитить дочь царя Арену, влюбившуюся без памяти в его спутника Алфенора. Когда это стало известно, девушка была отбита силой вследствие вмешательства царя, а сам Одиссей, будучи изгнан и миновав остров Эола, явился к Кирке, а оттуда – к Калипсо; обе они были царицами островов, на которых он долго пробыл, и обе обольщениями склоняли души пришельцев к любви. Освободившись от них, Одиссей прибыл к тому месту, в котором после совершения неких жертвоприношений душам умерших узнают будущее. Затем пришло к утесам Сирен, от которых он избавился хитростью. Наконец, между Сциллой и Харибдой он потерял множество кораблей⁵⁴ со спутниками в свирепейшем море, обычно поглощающем свою ношу. Так вместе с оставшимися он попал в руки финикийцев⁵⁵, разбойничающих по морям, и уцелел благодаря их состраданию. Итак, получив, как хотел, от нашего царя два корабля и одаренный многими дарами, Улисс отправляется⁵⁶ к Алкиною, царю феаков.

6. Приветливо принимаемый здесь в течение многих дней⁵⁷ благодаря известности его имени, он узнает, что тридцать знаменитых мужей из разных мест настойчиво склоняют Пенелопу к замужеству; они были с Закинфа, Эхинада, Левкаты, Итаки. Поэтому многими мольбами он убеждает царя отплыть вместе с ним, чтобы отомстить за покушение на право брака. После того как прибыли к тому месту, где посвятили Телемаха в дело, которое готовили (при том, что Улисс некоторое время не открывался), тайно приходят в дом Улисса; здесь они, вторгшись, убивают упившихся вином и объевшихся женихов. Когда народу в городе стало известно, что прибыл Одиссей, его принимают приветливо и благожелательно, а он узнает все, что произошло в доме. По заслугам награждает людей дарами или подвергает казни. Пенелопу сопровождает славная молва о ее целомудренности. Немного погодя, вняв просьбам и побуждению Улисса, Алкиной выдает свою дочь Навсикаю за Телемаха⁵⁸. В то же самое время на Крите умирает наш вождь Идомей, передав царство по наследству Мерйону. И Лаэрт через три года после возвращения сына прощается с жизнью. Сына, родившегося у Телемаха от Навсикаи, Улисс называет Птолипорфом⁵⁹.

⁵¹ Ср. Од. V. 15.

⁵² В «Одиссее» Киклоп и Полифем – одно и то же лицо, а лестригоны – народ, чьим царем является Антифат (IX. 522; X. 106–120).

⁵³ Милосердие Полифема и его дружба с Одиссеем плохо вяжутся с содержанием IX книги «Одиссеи», а конец фразы – вымысел Диктиса.

⁵⁴ Множество кораблей Улисс потерял гораздо раньше, как раз во время нападения лестригонов: Од. X. 125–132.

⁵⁵ Насчет встречи Улисса с финикийцами тоже ничего неизвестно. Видимо, здесь Диктис перенимает рассказ Евмея (Од. XV. 415–484).

⁵⁶ ... Улисс отправляется. – Диктис изображает дело так, как будто бы Улисс намеренно отплыл к феакам, в то время как в «Одиссее» он попадает к ним, прибитый бурей после многодневного плавания по морю. См. Од. V. 441–493.

... в течение многих дней. – Согласно «Одиссее», ее герой пробыл у феаков три дня, на четвертый его отвезли домой.

⁵⁸ Участие феакийцев и их царя Алкиной в отомщении женихам Пенелопы – вымысел Диктиса. Женихов же было не 30, а 108, при том, что среди них не было никого с Эхинадских островов и Левкады (а не Левкаты). Что касается обручения Телемаха с Навсикаей, то эта версия, исходящая из отождествления Схерии с Коркирой, была известна уже Гелланику (фр. 156) и Аристотелю (комм. Евстафия к Од. XVI. 118). К Телемаху и Навсикае возводил свой род афинский оратор Андокид.

⁵⁹ По сообщению Павсания (VIII. 12. 6), о рождении Птолипорфа (имя это означает «разоритель городов», как часто называют в гомеровском эпосе самого Одиссея) говорилось в недодешней эпической поэме «Феспротия», однако не от Телемаха и Навсикаи, а от Одиссея и Пенелопы. Впрочем, о рождении от Телемаха и Навсикаи сына по имени Персептолис сообщали еще Гелланик и Аристотель. По Гесиоду, Персептолис был рожден Телемаху Поликастой, дочерью Нестора.

7. В то время как это происходит на Итаке, Неоптолем у молоссов восстанавливает корабли, поврежденные бурей. Там он, узнав, что Пелей изгнан из царства Акастом⁶⁰, и желая отомстить за обиду, нанесенную деду, сначала посылает в Фессалию двух вернейших ему и не известных в тех местах людей, Хрисиппа и Арата, и они разузнают все, что там происходило, от Ассандра, родственника Пелея, – а именно, о засаде, приготовленной для Неоптолема Акастом. Этот Ассандр, избегая несправедливости тирана, сочувствовал Пелею и настолько близок был к его дому, что среди прочего рассказал Хрисиппу и Арату даже о происхождении истории о свадьбе Пелея и Фетиды, дочери Хирона. В то время много царей, приглашенных отовсюду в дом Хирона, среди пира прославляли новобрачную, как богиню, всякими похвалами, называя родителя ее Хирона Нереем, а ее самое – Нереидой; и насколько каждый из царей, принимавших участие в пире, отличался в хоре и сложении песен, настолько часто упоминали Аполлона и Либеру, а из женщин – муз. Поэтому в то время и прозвали этот пир пиром богов⁶¹.

8. Итак, когда они узнали все, что хотели, возвращаются к царю и рассказывают все по порядку. Вынужденный этими обстоятельствами, Неоптолем, несмотря на неблагоприятную обстановку на море и препятствия со стороны многих областей, снаряжает флот и сам садится на корабль. Затем, сильно пострадавши от свирепости зимнего моря и прибитый к Сепиадскому берегу, который из-за труднодоступных скал приобрел такое название⁶², потерял почти все корабли, и сам еле уцелел вместе с находившимися на том же судне. Здесь он находит деда Пелея, скрывающегося в недоступном тенистом гроте, где старец в постоянной тоске по внуку избегает насилия и коварства Акаста и обычно спрашивает о нем, если кого-нибудь случайно прибывает морем к этому месту. Затем, осведомленный досконально о состоянии дома и имущества, Неоптолем принимает решение напасть на врагов, когда случайно узнает, что сыновья Акаста Меналипп и Плисфен⁶³ прибыли в эти места, отправившись на охоту. Итак, переодевшись и притворяясь обитателем Иолка, он предстает перед юношами и передает желанное им известие о своей собственной гибели. Присоединившись к ним для охоты, он убивает, настигнув, Меналиппа, когда видит его в отдалении от остальных, а немного позже – его брата. Отправившийся на их розыски некий чрезвычайно преданный раб по имени Кинир попадает в руки юноши и, схваченный, сообщает, что сюда придет Акаст; потом его убивают.

9. Итак, Неоптолем, переодевшись в фригийскую одежду, как будто он – взятый в плен сын Приама Местор, приплывший в эти места с Пирром, идет навстречу Акасту и на вопрос, кто он такой, говорит, что утомленный плаванием Неоптолем спит в пещере⁶⁴. Поэтому охваченный страхом Акаст, желая погубить Пирра как злейшего врага, устремляется к пещере, но у самого входа его задерживает Фетида, которая, узнав о происходящем, пришла в эти места, чтобы разыскать Пелея. Затем, перечислив все, что несправедливо и против права совершил Акаст, и выбравив его,

⁶⁰ Пелей изгнан ... Акастом. – Историю эту обработал Софокл в несохранившейся трагедии «Пелей». По Еврипиду (Троян. 1126–1130), об изгнании Пелея Неоптолем узнал уже под Троей.

⁶¹ Очередная попытка толкования мифа вопреки традиции, на этот раз в рационалистическом духе: если, согласно традиции, на свадьбе Пелея и Фетиды присутствовали боги и разгорелся спор между богинями за «яблоко раздора», то Диктису надо изложить все совершенно иначе. И почему гости должны называть Хирона Нереем? Для того чтобы оправдать определение Фетиды как nereidy, данное ей традицией по имени ее отца, морского старца Нерея? См. кн. I, прим. 23.

⁶² Сепиада – мыс на юго-восточной оконечности горы Пелиона в фессалийской области Магнезии; здесь, по преданию, Пелей впервые овладел Фетидой (ср. *Еврип.* Андр. 1278).

⁶³ Согласно схолию к Троян. 1128, сыновей Акаста звали Архандр и Архитель.

⁶⁴ Место, испорченное в рукописях. Почему на вопрос Акаста, кто он такой, незнакомец отвечает, где спит Неоптолем, надо отнести, как и все предыдущие и дальнейшие выдумки, на счет Диктиса или его переводчика.

юноша своим вмешательством освобождает его по совету деда, чтобы внук не захотел отомстить кровью за то, что произошло раньше. Итак, Акаст, видя, что он, вопреки ожиданию, свободен, тут же по собственной воле отдает Неоптолему все права на царство. Теперь юноша вместе с дедом и Фетидой и с остальными, кто приплыл вместе с ним, приходит в город, овладев высшей властью в царстве. Здесь его приветливо, с поздравлением принимает весь народ и те, кто жил рядом под его властью⁶⁵; вскоре он подтверждает, что достоин любви.

10. Все это, известное мне от Неоптолема, я сохранил в памяти, будучи приглашен им в то время, когда он женился на дочери Менелая Гермione⁶⁶. От него же стало мне известно об останках Мемнона, а именно, что кости его были переданы в Пафе тем, кто, отправившись с вождем Мемнона Паллантом морем под Трою, после убийства предводителя, забрав добычу⁶⁷, находился там же, и что сестра Мемнона Гимера, которую иные называют по имени матери Гемерой⁶⁸, пришла туда, разыскивая труп брата. Когда она нашла останки и ей стало ясно, что произошло с захваченной добычей Мемнона, она пожелала получить ее благодаря вмешательству финикийцев, которых было много в его войске; так она обрела право выбора из всех вещей и отдельно – принадлежавших брату, взяла их, а также, отдавая предпочтение зову крови, урну и отплыла в Финикию. Отвезя затем урну в свою область, называвшуюся Фаллиотидой, и похоронив останки брата, Гимера больше нигде на появлялась. По ее поводу есть три мнения: либо она после захода солнца вместе с матерью нимфой исчезает из поля зрения людей, либо, потрясенная сверх меры смертью брата, покончила с собой, либо погубили ее жившие там люди ради похищения того, что было при ней. Это стало мне известно о Мемноне и его сестре от Неоптолема.

11. Прибыв после этого на Крит, я на следующий год иду от имени государства с двумя спутниками к оракулу Аполлона просить избавления от саранчи, ибо неожиданно, без всякой видимой причины на этот остров напало такое ее множество, что были истреблены все плоды в полях. Итак, на многочисленные просьбы и мольбы дается ответ, что с божьей помощью эти животные погибнут и остров вскоре будет изобиловать урожаем плодов. Желая затем отплыть, мы встречаем сопротивление дельфийцев: время для этого неподходящее и опасное. Ликофрон и Иксей⁶⁹, которые вместе с нами прибыли к оракулу, пренебрегши предупреждением, сели на корабль, но примерно посредине пути погибли от удара молнии. Между тем, как предсказано было божеством, тем же ударом молнии была обуздана сила зла⁷⁰, сброшенного в море, и вся область наполнилась плодами⁷¹.

⁶⁵ ... жил ... под его властью. – На самом деле жители окрестных мест жили под властью Пелея, а не Неоптолема, которого они увидели в первый раз. Вся история, изложенная в гл. 7–9, никакими другими источниками не подтверждается.

⁶⁶ Диктис уже один раз сообщил о выдаче Гермione замуж, но за Ореста (кн. VI. 4). На самом деле Гермione вышла замуж за Ореста только после подстроенного им убийства Неоптолема в Дельфах (см. «Андромаху» Еврипида). Виноват ли в этой несогласованности Диктис или Септимий, проверить невозможно.

⁶⁷ ... отправившись ... с Паллантом морем ... забрав добычу. – Раньше предводителем морских сил Мемнона был назван Фал, погибший в Сидоне, где войско его рассеялось и, стало быть, не могло владеть добычей Мемнона, да и о какой добыче могла идти речь, если Мемнон был убит на второй же день боев (кн. IV. 4–6)? Еще менее объяснимо, откуда мог знать все это Неоптолем.

⁶⁸ ... называют по имени матери Гемерой. – *Ἡμέρα* – по-гречески «день». Вероятно, Диктис хотел сказать, что дочь матери-Зари (см. кн. IV. 4) является днем, но эта личность здесь – скорее всего вымысел Диктиса, как и вся дальнейшая история. По генеалогии Гесиода (Теог. 124) Гемера была дочерью Эреба и Ночи. Согласно традиции, тело Мемнона было отдано его матери, которая и похоронила его в Эфиопии.

⁶⁹ Ликофрон и Иксей, – как видно, спутники Диктиса, хотя и непонятно, почему они должны были возвращаться врозь.

⁷⁰ ... сила зла. – Т.е. стаи саранчи.

⁷¹ В других источниках нет подтверждения ситуации, описанной в этой главе.

12. В то же самое время в Дельфы к Аполлону отправляется Неоптолем, уже вступивший в брак с Гермионой, чтобы отблагодарить бога⁷² за то, что Александра, виновника убийства его отца, настигло отмщение; дома он оставляет Андромаху с ее сыном Лаодамантом, единственным, уцелевшим из сыновей Гектора⁷³. Но после отъезда мужа⁷⁴ Гермиона, обуреваемая душевной скорбью и не желая терпеть его сожительства с пленницей, вызывает своего отца Менелая; излившись ему в обильных жалобах на обиды, чинимые ей пленницей, которую предпочел муж, она убеждает его убить сына Гектора. Впрочем, узнав об этом, Андромаха избегает грозящей ей опасности и освобождается с помощью народа, который так сострадал судьбе Андромахи и осыпал бранью Менелая, что едва удалось удержать народ от расправы над этим человеком.

13. Между тем, пришедший Орест узнает о происходящем и побуждает Менелая довести до конца начатое; сам он, горюя о том, что Неоптолем опередил его⁷⁵ бракосочетанием с Гермионой, начинает строить козни на случай его появления. Итак, прежде всего посылает в Дельфы самых верных людей из своих сопровождающих подсмотреть за возвращением Неоптолема. Узнав об этом, Менелай, желая избежать подобного преступления⁷⁶, уходит в Спарту. Однако посланцы, возвратившись, сообщают, что Неоптолема нет в Дельфах. Побужденный этим, Орест сам отправляется на розыски мужа и на следующий день возвращается, как гласила людская молва, исполнив дело. Через несколько дней разослается молва, что Неоптолем умер, и среди всего народа распространяется мнение, что он погиб, осиленный коварством Ореста. Тут юноша, когда история Пирра раскрывается, взяв с собой обещанную ему раньше в жены Гермиону, удаляется в Микены. Между тем, Пелей с Фетидой, узнав о гибели внука и отправившись на его розыски, узнают, что юноша похоронен в Дельфах. Здесь они, по обычаю, совершают положенный обряд и узнают, что он погиб в тех местах, где, говорят, не видели Ореста. Народ этому плохо верит: до такой степени мнение о коварстве Ореста владело всеми умами. Впрочем, когда Фетида видит, что Гермиона соединилась с Орестом, она отправляет Андромаху, беременную от Неоптолема, к молоссам⁷⁷, опасаясь, что Орест и его супруга загубят плод.

14. В то же самое время Улисс, испуганный частыми предзнаменованиями и неблагоприятными сновидениями, собирает отовсюду из своей страны самых опытных людей в толковании снов. Им он рассказывает, что среди прочего часто видится ему, как некий призрак, обличьем средний между человеческим и божественным, необыкновенной красоты, родится неожиданно из того же места, что он сам. Когда Улисс с величайшей страстью желает его обнять и протягивает руки, тот отвечает

⁷² ... отблагодарить бога. – Согласно традиции, Неоптолем явился в Дельфы с упреками по адресу Аполлона, сразившего Ахилла, и здесь был убит жрецами за богохульство (*Аполлод.* Эпит. VI. 14). Диктис, видоизменив изложение, должен был найти другой предлог, чтобы отправить Неоптолема в Дельфы, хотя из IV. 19 вовсе не следует, что Аполлон мстил Александру за Ахилла.

⁷³ См. кн. III, прим. 21.

⁷⁴ ... после отъезда мужа. – Исходная ситуация здесь и в гл. 13 заимствована из «Андромахи» Еврипида, но там речь идет о сыне Андромахи от Неоптолема, и «народ» ко всему этому никакого отношения не имеет: Андромаху с ребенком спасает появление Пелея.

⁷⁵ ... Неоптолем опередил его. – Гермиона была обручена с Орестом еще до начала Троянской войны, а затем Менелай, чтобы заручиться в войне помощью Неоптолема, пообещал выдать Гермиону за него. Таким образом, у Ореста были основания ненавидеть соперника, но его участие в гибели Пирра является, скорее всего, версией, внесенной в миф Еврипидом.

⁷⁶ ... подобно преступлению. – Собственно, о замысле Ореста убить Пирра у Диктиса еще ничего сказано не было. Опасения Менелая – преждевременная реминисценция из Еврипида, где Орест появляется уже после убийства Неоптолема.

⁷⁷ Молоссы в историческое время населяли область в Эпире. В мифологической традиции Неоптолем перед смертью завещал Андромаху вместе с уже родившимися от него сыновьями Гелену; в числе их был и Молосс, от которого пошло название народа. Кстати, у Диктиса Гелен обещает Неоптолему, что он останется при нем и после окончания войны (кн. V. 9). Почему Диктис не вспомнил здесь об этом обещании Гелена?

ему человеческим голосом, что такого рода связь преступна, так как оба они происходят от одной и той же крови; поэтому один из них погибнет старанием другого. Затем, когда он в сильном волнении хочет понять причину этого явления, то видит, что из моря возникает какое-то изображение, которое, в соответствии с полученным приказанием, их разлучает. Все собравшиеся в один голос предсказывают, что этот сон грозит Улиссу гибелью, и добавляют, чтобы он остерегался козней со стороны сына. Так Телемаха, попавшего под подозрение отца, отправляют в поля Кефаллени, приставив к нему самых надежных сторожей⁷⁸. Сверх того, Улисс, уйдя в удаленные и укрытые места, стремится, насколько может, уклониться от власти сновидений.

15. В то же самое время Телегон, которого Кирка, родив от Улисса, растила на острове Эе, возмужав, отправился на розыски отца и прибывает на Итаку, держа в руках какое-то копьё, снабженное наверху из кости морской горлицы⁷⁹, то есть приметой острова, на котором он родился. Затем, узнав, где находится Улисс, он приходит к нему. Здесь сторожа⁸⁰ отрезают ему доступ к отцу, а когда он все сильнее на этом настаивает и его с разных сторон отгоняют, начинает кричать, что недостойно поступают те, кто мешает ему обнять отца. Тогда стража, решив, что это явился Телемах с намерением учинить насилие над царем, еще ожесточеннее сопротивляется Телегону; никто ведь не знал, что у Улисса есть второй сын⁸¹. Тогда юноша, видя, что его отгоняют все сильнее и решительнее, обуянный горем, убивает или тяжело ранит многих сторожей; когда об этом стало известно Улиссу, решившему, что юноша послан Телемахом, он, выйдя, бросает в Телегона копьё, которое обычно носил для своей безопасности. Но юноша благодаря какой-то случайности уклоняется от этого броска и сам мечет в отца удивительное копьё, выбрав самый неудачный повод для нанесения раны⁸². Сраженный этим ударом Улисс поздравляет судьбу и признает, что она поступила с ним наилучшим образом, потому что, убитый чужеземным врагом, он избавил Телемаха, самого дорогого для него, от вины отцеубийства. Затем, удерживая последнее дыхание, спрашивает юношу, кто он такой и кем рожден, если отважился убить сына Лаэрта Улисса, славного на войне и в мирное время. Тогда Телегон, поняв, что это его отец, стал бить себя обеими руками по голове и издавать жалобные вопли, ужасно страдая от того, что убил своего отца. Тут он назвал Улиссу, как тот хотел, имя свое и матери и название острова, где родился, и, наконец, показал копьё с приметой. Так Улисс вспомнил значение угрожающих снов и предсказанный толкователями конец жизни, что будет ранен тем, о ком он меньше всего думал. На третий день он умер в преклонном возрасте, не лишившись, однако, сил⁸³.

⁷⁸ Каким образом связать этот рассказ с женитьбой Телемаха на Навсикае (кн. VI. 6)? Вся предыдущая история со сновидениями – вымысел Диктиса. Согласно традиции, обработанной Софоклом в недошедшей трагедии «Одиссей, пораженный шипом», предсказание о гибели от руки сына Одиссей получил от оракула в Додоне.

⁷⁹ *Морская горлица* – скат. Почему скат является *приметой* Эе – не ясно.

⁸⁰ Если верить тексту предыдущей главы, то сторожа были приставлены к Телемаху, а Улисс скрывался в мало кому известном месте. Каким образом мог узнать о нем Телегон?

⁸¹ ... *второй сын*. – Этого сторожа могла не знать, но едва ли она не знала в лицо Телемаха.

⁸² Встреча Телегона с Улиссом составляла содержание поэмы «Телегония», где все выглядело гораздо естественнее: отправившись на розыски отца, Телегон попал на Итаку и стал ее опустошать; когда против него вышел Одиссей, Телегон в завязавшейся битве убил его, не подзревая, естественно, что это его отец. У Диктиса получается, что Телегон уже знал, что сторожа не допускают его к отцу; кто же мешал ему после неудачного броска копья Улисса объяснить, кто он такой?

⁸³ ... *не лишившись* ... *сил*. – Как это согласовать со сказанным выше, а именно, что Улисс задал вопрос Телегону, «удерживая последнее дыхание»? Сколько дней может прожить человек, убитый ударом копья?